

МЕХАНИЗМ ОДИНОЧЕСТВА

Рассказ Владимира Алексеева "Ленинград. Осень. 1977 год" /"Часы" №13/ меня глубоко взволновал. Я читал его и перечитывал. Мне казалось, что это повествование и обо мне. И это— трагедия всех нас: одиночество, безответственность окружающих... Что-то кончилось. Нет возможности строить иллюзии над иллюзией в поисках ускользающей реальности. Что остается, если уходят близкие друзья, и мы не понимаем: куда, почему, зачем!

Я не пишу критическую статью и не хочу давать литературного разбора,— это письмо к автору и попытка записи того отклика, который рассказ во мне вызвал. Я вместе с автором осознаю, что эйфория общения— иллюзия творческой солидарности— рассеялись. Открывается что-то другое. Но что? Вот поэтому мне хочется прочесть подтекст, увидеть второй план рассказа, осознать механизм мотивировок страстей героя, его стремления найти отклик и отзвук.

В ранней молодости, еще задолго до войны, я прочел повесть французского писателя Монтерлана, сейчас почти забытого. Там были строки, которые цитирую по памяти: "Быть может, чей-то вздох может ответить на твой. Но где ты услышишь его и кто услышит тебя". Так и герой нашего рассказа остро переживает чувство отверженности и непризнанности. До поры до времени он подменяет желание отклика, реванша, иллюзией дружеских взаимоотношений. Но друзья героя покидают его и он тоже уходит от них. И тогда эйфория надежды и иллюзия цели замещаются символами действия и призыва,— стуком в закрытую дверь, который не имеет ответа.

Мы подменяем задачу, которая не разрешается, сверхзадачей, или псевдозадачей, которую решить можно лишь потому, что она условна. Но от себя не уйдешь, точно так же как задача остается неразрешимой. Хорошо сказал Кьеркегор: "Говорят, время идет. Нет, время стоит и я вместе

с ним". Мне вспоминается, рассказ Флобера "Престая душа". Его героиня может только символически выразить свое ожидание от других отклика и нежности.

Мы ищем "второй план" литературных произведений, ищем мотивы, скрытые за перипетиями жизни, стремимся познать "основы"— элементарные механизмы жизненных драм. И часто многое объясняем комплексом неполноценности, чувством отчужденности, неприспособленности, ущербности— личностной и социальной. Из каких звеньев, алогически переплетенных, складывается этот комплекс? Вопрос аналогичен другому: что такое трагедия? Сильные и мудрые, пока они сильны и мудры, проходят мимо этих вопросов. Но когда человек одинок среди других, когда он затерян во враждебном ему мире, он задает вопрос о той незримой оси, вокруг которой кружится эксцентрическая арена трагедийного бытия. Вот один из ответов...

Термин "комплекс неполноценности" был введен в психоанализ Адлером, учеником и соперником Фрейда. Хотя имя Адлера тонет в лучах славы своего учителя, термин Адлера прочно вошел в теорию психоанализа, в литературную критику и даже в разговорную речь. Заимствованный из языка политической экономики и перенесенный в сферу внутрличностного конфликта, он более локален по смыслу и в то же время более реален, чем полумистический и трудно доказуемый "Эдипов комплекс".

Понятие "неполноценности" приобрело значение символа. Каждый вкладывает в его содержание свое субъективное, свой круг противоречий с миром и самим собой. "Комплекс" иррационален, как иррациональна любая драма.

Эпиграфом к пониманию "комплекса" могут послужить слова, дошедшие до нас из глубины веков,— афоризм Николая Маккиавели, этого философа политической драмы: "Несчастье Италии в том, что Ватикан недостаточно силен, чтобы объединить ее, и недостаточно слаб, чтобы не мешать в этом другим" /цитата сокращена/. Потому и сохранилась в памяти человечества горькая мудрость этих слов, что в них суть любого несчастья: одновременность силы и слабости. Сами

но себе ни сила, ни слабость не создают ни трагедии, ни конфликта. Вариантов ответных реакций в каждой ситуации немного. Великий флорентинец сумел увидеть механизм действия, как механизмы элементарные, и в то же время точные. В кратких афоризмах Макнавелли зерно исторической диалектики.

Через много десятилетий человек одинокой судьбы и "трагического восприятия" Фридрих Ницше подошел к той же теме пересечения силы и слабости.

Закомплексованный человек хочет перестроить мир, не имея возможности перестроить самого себя. Он хочет этого, но не может — не в силах. Его собственная ущербность и ранимость делает его беззащитным для жгучей любого проявления чужой враждебности. Он создает для себя такие представления о мире, в который его ущербность вписывается как норма. Или хотя бы становится менее жгучим давящим. Но его искусственный мир рассыпается при любом ударе жизни. Он имеет дело только с жестокой реальностью бытия.

Есть ли структура у ситуации конфликта и есть ли она как структура? Сводима ли закономерность несчастья к формулам? Иррациональность личностных драм совпадает с иррациональностью бытия. Заблуждения в этой системе представлений можно рассматривать как неправильно направленную компенсацию. Литературоведческий принцип остротности построен по тому же принципу. Принципу замены исчерпанной себя системы образов противопоставляется отстраненная, непривычная система образов, хотя социальные структуры, а, следовательно, сюжеты остаются примерно теми же.

Человек отстраняет трагедию, переносит ее из той области, где она неразрешима, где чувство ущербности является давящим, в область гадательного, неопределенного, на фоне чего создается иллюзия постижения и решения. Это условное постижение на условном фоне. Заблуждение и несчастье идут параллельными путями и обуславливают друг друга.

Несчастье необратимо, когда человек подменяет реальную задачу псевдозадачей.

Иррациональность исхода из ситуации конфликта опре-

делается иррациональностью в самой исходной точке, самой закомплексованности. Одновременно и неизбежно решаются две задачи противоположной направленности, задачи, исключавшие друг друга. Комплекс неполноценности неподвижен как всякая ущербность. И приспособление к ней неподвижно и однозначно. Но жизнь меняется, она требует все новых и новых решений. Жизнь выбивает человека из приспособления к самому себе. Действие по линии наибольшего сопротивления невозможно, человек выбирает — наименьшее. Легко идти по дороге, которая никуда не ведет.

Трагедия усугубляется тем, что человек может не хотеть подлинного постижения жизни. Реальность, воспринятая через призму "комплекса" не даст искомой гармонии. Над жизнью, над ее пропастями выстраивается мироздание господства, дающий эйфорию надежды и превосходства. Но это оборачивается углублением внутренней дисгармонии. Жизнь беспощадна к миражам и метит беспощадно и за силу и за слабость. Компенсация — подмена постижения и действия его символикой.

Можно привести пример: коллекционерство, — и ваш герой коллекционирует встречи с людьми.

Я могу быть неправым. Все изложенное — схемы, схемы... И все-таки, когда человек отчужден, когда он одинок, он хочет понять законы своего одиночества.

Что делает трагедию трагедией? Есть ли структура у ситуации конфликта? Когда трагедия подлинная, она ускользает от анализа. Звенья судьбы смыкаются логически и алогически.

Быть может, то, что я хотел изложить, неверно. Быть может, верно, но не нужно, — пусть так, тогда стук в дверь безответен....

Искренне желаю вам успехов.

О.В.Докровский